

# Сними с меня чужое имя

В.К.Косс

В.К. Косс

**Сними с меня чужое имя**

«Автор»

2026

**Косс В.**

Сними с меня чужое имя / В. Косс — «Автор», 2026

Девять лет Вера создавала проекты, на которых стояло имя её мужа. После развода она берётся за восстановление старого кинотеатра — первую большую работу, которую хочет подписать собственной фамилией. Её заказчик Лев Арсентьев умеет слушать, не обещает лёгкой жизни и слишком быстро становится важнее, чем ей хотелось бы. Но в прошлом Веры есть подпись под документом, который она не должна была подписывать. За этой подписью — чужая травма и семья Льва. Вера рассказывает правду. Их притяжение от этого не исчезает. Однако, когда о прошлом узнают другие, ей предлагают спасти новый проект знакомым способом: продолжить работу, убрав своё имя. Сможет ли она довериться мужчине, которого любит, если он просит именно об этой уступке?

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Буквы на стекле          | 5  |
| Глава 2. Право остановить         | 7  |
| Глава 3. Вход со двора            | 10 |
| Глава 4. Карманный свет           | 12 |
| Глава 5. Левая рука               | 15 |
| Глава 6. Бумага выдержит          | 18 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 20 |

# В.К. Косс

## Сними с меня чужое имя

### Глава 1. Буквы на стекле

Вера подцепила ногтем край серебряной буквы и поняла, что без ножа не справится. На холодном стекле остался обрывок клея. Фамилия, которую она носила девять лет, по-прежнему занимала почти всю дверь.

«Архитектурная мастерская Антона Горского».

Ниже, мельче: «Реконструкция кинотеатра „Луч“».

В сумке лежал макетный нож, но доставать его при мужчине с ключами не хотелось. Он остановился за ее спиной достаточно давно, чтобы увидеть и букву, и потемневшее пятно на рукаве пальто: Вера несла кофе, споткнулась о выступ порога и облила себя еще до начала рабочего дня.

— Вы это специально? — спросил он.

— Буквы — да. Кофе — нет.

— Дверь на замену. Можно не мучиться.

Она повернулась. Мужчине было около сорока; на воротнике темной куртки серая пыль, под мышкой красная папка. Он выглядел усталым. Недовольства, которого Вера ждала, на его лице не было.

— Лев Арсентьев?

Он кивнул.

— Вера Сорокина. Раньше Горская.

Она произнесла это сразу, не дожидаясь, пока он откроет папку и спросит.

— Знаю. Мне Римма о вас рассказала. Только я вас к десяти ждал.

— Девять сорок восемь.

— Вот именно. Я еще не успел отпереть.

Он положил папку на подоконник и потянул дверь на себя. Вере пришлось отступить. Серебряная пленка прилипла к ее указательному пальцу; отлепить ее незаметно не получилось.

Внутри пахло мокрой штукатуркой и старым бархатом. Слева, над заколоченной кассой, сохранилась половина расписания: «Начало в 17...» Написанные от руки цифры пережили смену владельца и два несостоявшихся ремонта. На полу лежали свернутые чертежи бюро Горского.

— Их договор закрыт в мае, — сказал Лев. — Не сошлись по смете.

Вера знала, по какой. Антон продавал заказчикам большой зал с подвесным потолком, ресторан в бывшей аппаратной и стеклянную лестницу, которую на визуализациях рисовали без опор. В марте, уже после развода, он прислал ей картинку с вопросом: «Ты бы куда свет поставила?» Она ответила схемой. Денег за это не попросила. Следующие три дня объясняла себе, что двадцать минут работы не считаются возвращением.

— Мне нужен зал на восемьдесят человек, — продолжал Лев. — Комната занятий. Вход без этих трех ступеней. Чтобы зимой не греть улицу. И чтобы хотя бы часть здания начала жить до того, как я состарюсь.

— Для чего комната занятий?

— Для театральной студии. Они пока в библиотеке репетируют, но их попросили освободить вторник и четверг.

— А днем?

— Еще не придумали.

— Тогда не будем рисовать комнату раньше, чем узнаем, кто туда придет.

Он посмотрел на нее внимательнее. Вера ждала привычного: «Это вы с Антоном обсудите». Но Лев уже повел ее дальше.

Они прошли по фойе. Вера отодвинула концом ботинка осколок плитки и присела у нижнего края стены. На уровне плинтуса выступила белая соль. За окном, в глубине двора, виднелся одноэтажный флигель, отделенный от кинотеатра узким проездом.

— Сначала вода, — сказала она. — Потом восемьдесят человек.

— Дренаж в смете есть.

— Я не про строчку. Можно посмотреть подвал?

Лев помолчал, затем достал другой ключ.

На лестнице он пошел первым и включил фонарь. Вера держалась за перила, покрытые липкой пылью. Внизу на полу поблескивала вода. Не лужа, как она надеялась: целый темный прямоугольник до дальней стены.

— Весной было сухо, — сказал Лев.

— Сегодня октябрь.

Он не ответил. Свет фонаря прошел по мокрым кирпичам, задержался на трубе.

— Подрядчик начнет в понедельник, — произнес он наконец. — Договор почти готов. Мне нужно ваше решение к вечеру.

Вера выпрямилась. Тридцать семь тысяч на счете, комната у Оли, зимние сапоги, которые надо отнести в ремонт. Эта работа могла дать ей отдельную квартиру и следующие заказы. Римма поручилась за нее перед незнакомым заказчиком. Еще не начав, Вера уже предлагала отложить ремонт.

— Тогда я напишу, что до обследования причины подтопления чистовые работы начинать нельзя.

— Вы еще договора не подписали.

— Да.

Наверху он поставил фонарь на кассовый прилавок и потер ладонью лоб. Вера ждала. Можно делать осторожно, можно параллельно, можно потом переоформить — прежде она сама заполнила бы паузу этими предложениями. Она засунула руку в сумку, нащупала нож и промолчала.

— Напишите, — сказал Лев. — И сколько это сдвигает работы.

— Пока не знаю.

— Не люблю этот ответ.

— Я тоже.

На улице она все-таки достала нож и сняла с двери остатки слова «Горского». Полное название мастерской разбирать было бы долго. Лев стоял рядом, отвечая кому-то по телефону: «Нет, на понедельник отделочников не выводим. Я сказал — не выводим».

Когда он закончил, Вера показала ему изогнутый серебряный лоскут.

— Можно выбросить?

Он открыл крышку мусорного контейнера.

До трамвайной остановки она дошла пешком. В отражении витрины кофейное пятно оказалось еще заметнее. Вера застегнула пальто до подбородка. Лев пока не обещал ей работу, но подрядчикам уже позвонил. Она улыбнулась и прибавила шаг: трамвай подходил к остановке.

## Глава 2. Право остановить

Ирина Малкова приехала на встречу с маленькой весовой гирей. Положила ее на край стола, прижав распечатанную смету, и перехватила Верин взгляд.

— У нас в кондитерском цехе такие были. Это чтобы документы не улетали, когда Лев открывает окна от неудобных вопросов.

— Очень смешно, — отозвался он и закрыл форточку.

Для переговоров в кинотеатр принесли садовый стол и три разных стула. У Веры под столом стоял электрический обогреватель; он грел только правую щиколотку. Она переложила ногу и открыла подготовленный список.

— Мне нужен отдельный договор на планировку и интерьеры. Технические заключения — у Риммы Марковой и специалистов по ее заданию. Я не буду подписывать за них.

— Это естественно, — сказала Ирина.

Вера провела пальцем по строчке.

— Еще согласование замен материалов. Письменно. Если меняют то, что влияет на безопасность или доступность, у меня должно быть право приостановить именно эти работы до решения ответственного специалиста.

— Вы хотите сами останавливать стройку? — спросил Лев.

— Только эти работы. Иначе с меня спросят за замену, о которой я даже не знала.

Он откинулся на скрипнувшем стуле. Ирина взяла ручку.

— Формулировку посмотрит наш юрист. Что еще?

Вера положила на стол вторую страницу. Бумага немного дрожала, и она прижала ее блокнотом.

— В публикациях по моему проекту указывается мое имя. Вера Сорокина. И я получаю право показывать свою часть работы в портфолио после открытия. С фотографиями, которые мы согласуем, без вашей финансовой информации.

— У нас еще ремонт не начался, а вы уже обложку журнала делите, — заметил Лев.

— Я хочу сразу договориться. Мне это важно.

На этот раз он не улыбнулся.

Ирина прочитала страницу целиком и поставила внизу маленькую галочку.

— С этим у меня вопросов нет.

Они проговорили два часа. Лев хотел открыть зал к середине декабря, в день рождения отца. Ирина несколько раз сказала «желательно», когда он говорил «надо». Денег хватало на осушение, инженерные работы и скромное переустройство фойе с малым залом. Большой зал требовал другой суммы. Флигель во дворе сдавался под склад; его можно было продать, но Лев всякий раз переводил разговор на поиск партнера.

— Отец его под мастерские оставлял, — объяснил он.

— Отец оставлял все это закрытым четырнадцать лет, — сказала Ирина без злости. — Я вложила сорок процентов не в памятник его намерениям.

Вера уткнулась в обмеры. При их ссоре она чувствовала себя лишней, хотя речь шла о ее будущей работе.

Когда они сделали перерыв, Вера вышла в бывшую аппаратную. Здесь было холоднее, чем в фойе. На кирпичной стене сохранились два черных прямоугольника, от которых некогда проецировали фильмы. Она положила блокнот на подоконник, проверила телефон. Хозяйка квартиры, которую она смотрела неделю назад, написала, что больше ждать не может. Желающие на квартиру нашлись другие.

Вера ответила, что понимает. Объяснять еще раз, почему не может внести первый платеж, было незачем. Тридцать пять лет, двенадцать лет работы, шесть крупных реализованных

интерьеров — и ни одной ссылки, по которой незнакомый человек мог бы увидеть ее имя. На собеседовании в сентябре руководитель небольшой студии пролистал папку и сказал: «Извините, но вы показываете чужое портфолио». Вера пыталась объяснить. Он слушал вежливо, и от этой вежливости ей едва не стало хуже, чем от отказа.

Здесь она принесла те же фотографии ресторана и гостиницы. Только Римма могла подтвердить, что именно делала Вера. Без ее рекомендации до встречи могло и не дойти.

Лев вошел с удлинителем.

— Замерзли? Там обогреватель уже нагрелся. Можно поближе сесть.

Он оглядел комнату, поднял блокнот, чтобы освободить край подоконника для провода. Передал ей, не заглянув.

— Ирина предлагает музейное оборудование сюда, — сказал он. — Пленочные аппараты, если найдем. Отец их куда-то отдал.

— А кто будет это содержать?

Он помедлил. Вера уже пожалела, что не дала ему хотя бы договорить об аппаратах.

— Не все можно заранее просчитать.

— Это можно. Человек, деньги на обслуживание, режим доступа. Я не против аппаратов.

— Вы все время начинаете с того, что помешает.

Вера открыла блокнот. Можно было отступить, объяснить, что она только хотела помочь. Она посмотрела на Льва.

— Тогда скажите, зачем вы меня позвали.

Лев посмотрел на нее.

— Мне Римма сказала, что вы умеете делать помещения для жизни.

— Мне надо знать, кто будет за ними смотреть. А если помещение понадобится под склад? Мы поставим аппарат, потом придется стену разбирать, чтобы вытащить. Давайте сначала это выясним.

Она замолчала. За дверью Ирина кому-то объясняла, что подписывать смету без резерва на скрытые работы не будет. Лев размотал удлинитель, воткнул в розетку и подождал, пока загорится индикатор.

— Когда мне было семь, отец меня сюда привел. У него киномеханик знакомый был. Мне разрешили кнопку нажать. Фильма не помню, а кнопку до сих пор.

Вера посмотрела на пустые прямоугольники в стене.

— Можно расширить один из проемов. Оставить вид на экран. Без тяжелых аппаратов, пока не найдется, кому ими заниматься. Стол, два стула. Чтобы кто-то тоже мог посмотреть отсюда.

Он провел ладонью по кирпичу, не касаясь копоти.

— Это нарисуете?

— Сначала проверю, можно ли здесь находиться посетителям. Потом нарисую.

— Все-таки вы начинаете со скучного.

— Да.

На этот раз он улыбнулся. Вернувшись к столу, Вера переставила стул к обогревателю и на полях блокнота нарисовала окно из аппаратной в зал. Рядом оставила вопросительный знак.

Когда Ирина уехала, Лев собрал пустые стаканчики и спросил:

— Вы всегда так торгуетесь?

— Плохо?

— Долго.

— Я учусь.

Он потянулся за ее стаканчиком, заглянул внутрь и поставил обратно: кофе еще оставался. Вера взяла его обеими руками и сделала глоток.

К вечеру пришла предоплата. Вера смотрела на сообщение банка в Олиной кухне, пока Ася объясняла, почему ей требуется настоящий костюм вороны, а черная футболка — издевательство над театром.

— С перьями нельзя, — сказала Оля, вынимая из духовки противень. — У Марьи Семёновны аллергия.

— У вороны тоже может быть трудная жизнь.

— Тогда сыграй ее без перьев.

Вера засмеялась. Ася обиженно посмотрела на нее, и Вера предложила сделать крылья из подкладочной ткани. Девочка немедленно притащила ножницы.

Они работали за кухонным столом. Оля раскладывала остывшие булочки по коробкам для утренних заказов. Из телефона Веры три раза прозвучал сигнал; Антон прислал сообщение, фотографию и снова сообщение.

«Слышал, ты в „Луче“. Будь осторожна с Арсентьевым».

«Это наши наработки, Вер».

«Надеюсь, ты понимаешь, где границы».

На фотографии был старый план фойе. Ее план. В правом нижнем углу стоял логотип мастерской.

— Он? — спросила Оля.

Вера перевернула телефон экраном вниз.

— Я думала, после развода мне станет все равно.

— Ты после развода перестала покупать ему рубашки. Для первого года нормально.

Вера отмерила ткань. Когда они с Антоном начинали, он приносил кофе к ее столу и рассказывал заказчикам, что они команда. Ей было двадцать шесть. Фамилия в углу листа казалась мелочью: работа-то общая. А восемь лет спустя ей нечего было показать на собеседовании без долгих объяснений.

Она отдала Асе выкройку и написала: «Я создаю новый проект по отдельному договору. Ваши листы не использую».

Потом открыла чистую папку и назвала ее «Луч\_Сорокина». Удалять оттуда было еще нечего.

### Глава 3. Вход со двора

Женщина с ходунками остановилась перед кинотеатром и осмотрела ступени так, словно Вера сама положила их ночью.

— Я говорила, что приду к одиннадцати, — сказала она.

— Вход пока со двора. Я вас проведу.

— Со двора я и дома нагляделась.

Ее звали Зоя Андреевна. Она вела кружок краеведения и согласилась прийти, потому что Ирина была ее бывшей ученицей. Позади стояли руководитель театральной студии, преподавательница керамики и молодой отец с пятилетней дочкой. Тот нес складной детский стул и прижимал локтем пакет со сменной обувью.

Вера пригласила их не для утверждения картинок. Она хотела посмотреть, где люди останавливаются, что не найдут и какие ее вопросы окажутся глупыми. Лев обещал не вмешиваться и продержался одиннадцать минут.

— Здесь будет широкая дверь, — сказал он Зое Андреевне.

— А перед дверью?

— Пандус.

— А снег кто чистит?

Он замолчал.

Вера записала: «Уборка до первого занятия. Согласовать ответственного». Потом спросила, удобно ли Зое Андреевне сидеть, и та ответила, что было бы удобнее, если бы ей позволили самой выбрать стул.

К полудню большой лист на стене заполнился замечаниями. Керамистке требовались вода и запирающийся шкаф, театральной студии — место сушить ботинки после занятий на улице, отцу — туалет, к которому не надо идти с ребенком через занятый зал. Зоя Андреевна потребовала часы с крупным циферблатом и попросила не называть будущую комнату «пространством серебряного возраста».

— За возраст я сама отвечу, — сказала она. — Вы за отопление.

Когда все разошлись, Лев сел на принесенный детский стул. Тот оказался неожиданно крепким.

— Я полгода думал, как здесь все будет, — сказал он. — Про ботинки ни разу.

— Я тоже не думала.

— Удобная профессия. Сначала спросить, потом выдать за проект.

— Хотите, я вам не буду задавать вопросов?

— Нет, — ответил он после короткой паузы. — Не хочу.

Они поехали в столярную мастерскую смотреть сохранившиеся кресла. Лев предложил подвезти; Вера села сзади, потому что на переднем сиденье лежал инструмент. Он начал было перекладывать его и остановился, когда она уже пристегнулась.

В мастерской Саша, долговязый реставратор с сережкой, разложил на верстаке три подлокотника.

— Из сорока кресел живых двадцать два. Если очень любить, двадцать четыре.

Вера взяла самый темный подлокотник. Под лаком виднелись вмятины от чьих-то ногтей. Лев уточнил цену восстановления одного кресла и назвал общую сумму.

— Новые дешевле.

— И удобнее, — согласилась она. — В зале поставим новые. Эти можно оставить в фойе. Четыре, не двадцать четыре.

Он с удивлением посмотрел на нее.

— Я думал, вы будете спасать все старое.

— Зачем?

Саша фыркнул и отвернулся к окну, пряча улыбку.

Пока он искал образцы ткани, Вера безуспешно пыталась снять тугой браслет часов: под него набилась древесная пыль. Лев спросил разрешения, получил кивок и расстегнул застежку. Руки у него были теплые, ноготь большого пальца потемнел от старого ушиба. Он не задержал ее запястье, сразу положил часы на верстак.

Между стеллажами вдруг стало тесно. Вера отступила к окну, подняла подлокотник поближе к свету, хотя цвет уже выбрала.

Обратно они ехали с двумя подлокотниками и рулоном коричневой обивки. Лев убрал инструмент в багажник, не спрашивая, где она сядет. Она села вперед.

— В пятницу придет мой брат, — сказал он на светофоре. — Посмотрит, что можно сделать со звуком. У него оборудование свое, арендуем на первые мероприятия.

— Он работает в театре?

— Работал на монтаже. Теперь звук. Илья.

На светофоре Лев пропустил опоздавшего пешехода и снова посмотрел на дорогу. Вера задержала взгляд на его профиле, на темной щетине под скулой. Когда он повернулся, торопливо спросила, во сколько придет брат.

У Олиного дома она вышла, прижав к груди рулон ткани. Уже на лестнице сообразила, что подлокотники остались в багажнике, и вместо рабочего сообщения написала Льву: «У вас в машине два лишних локтя».

Он ответил: «Надеюсь, это в пределах сметы».

Она перечитала ответ два раза, прежде чем убрать телефон.

## Глава 4. Карманный свет

В четверг на объекте отключили электричество. Официально на сорок минут, фактически до темноты. Вера приехала с раскладкой выключателей и обнаружила Льва на полу, рядом с распахнутым щитом.

— Не трогайте, — сказала она раньше, чем поздоровалась.

— Я и не трогаю. Электрик отошел за прибором.

Она опустила глаза. Он действительно сидел в метре от щита и переписывал показания с фотографии.

— Извините.

— На вас часто что-нибудь падало?

Вера поставила сумку на стол.

— Достаточно.

Он не стал уточнять. Взял у нее листы и вышел из коридора. Электрик вернулся, ворча, что взрослые люди опять ведут себя как дети у открытого холодильника, и закрыл перед ними дверь.

Они прикладывали к стенам бумажные прямоугольники. Лев держал фонарь, Вера отмечала высоту. Он всякий раз тянулся выше, чем она просила, и ей приходилось переставлять лист. На шестом выключателе он засмеялся.

— Вы могли бы сразу сказать, что я слишком высокий.

— Вы могли бы поверить рулетке.

В фойе через высокое окно падал узкий свет. Вера встала на стремянку, чтобы измерить простенок. Вторую ступень повело; она успела сойти. Лев убрал стремянку в сторону, перевязал верх красной лентой и позвонил прорабу.

— Нет, не «еще походит». Замени сегодня.

Вера смотрела на красный узел. Лев говорил с прорабом, но от резкого «сегодня» она все равно напряглась. Пришлось расправить плечи, прежде чем вернуться к разметке.

— Мне нужно домой к шести, — сказала она после звонка.

— У вас кто-то ждет?

Вопрос был обычный, но она услышала в нем лишнее.

— У меня жизнь вне этого здания.

Он поднял фонарь, освещая ее лицо.

— Я хотел понять, успеем ли разметить туалет. К шести так к шести.

Позже ей стало неловко. Она сама предложила приехать утром и закончить разметку.

Дома ее ждала мать с сумкой готовой еды. Тамара Петровна стояла у плиты, которой обычно распорядилась Оля, и объясняла, почему суп надо немедленно перелить в другую кастрюлю.

— Мама, мы тут не одни живем.

— Я вижу. Поэтому и перелить. На четверых ведь.

Оля, уже в дверях, скорчила Вере такую физиономию, что та едва удержала смех. Вечерний заказ требовал ее присутствия в пекарне, и спасти подругу она не собиралась.

Мать подошла к полке с Вериными вещами. Взяла лежавшее сверху новое рабочее удостоверение, прочитала вслух: «Сорокина Вера Павловна».

— Все-таки поменяла.

— Я говорила.

— Говорила. Я думала, передумаешь. Столько лет люди знали.

— Какие люди?

Тамара Петровна положила удостоверение ровно по краю полки.

— Хорошо. Не будем опять.

К этому разговору они еще вернутся. Мать всю жизнь шила на дому. На пакетах с готовыми платьями писала фамилии заказчиц, собственной не указывала. Для нее «Горская» означало хорошее бюро, выставки, заказы. Как объяснить, почему Вере больше не хотелось открывать этим именем двери?

Они поужинали. Ася ушла делать уроки, мать стала штопать край кухонного полотенца.

Из комнаты вскоре донеслось возмущенное сопение. Ася появилась с тетрадью и попросила Веру помочь. Тамара Петровна подняла голову: «Пусть ребенок сам думает». Вера уже отодвигала чашку.

Задача оказалась о двух поездах. Девочка нарисовала их на полях, почти столкнув носами. Вера спросила, сколько времени каждый был в пути. Ася посмотрела в условие, потом на рисунок.

— Первый дольше. Он раньше выехал.

— На сколько?

Ася пожалала плечами. Вера указала на нужную строчку. Девочка прочитала, начала складывать вместо вычитания. Вера остановила ее, перечеркнула карандашом действие. Ася отдернула тетрадь.

— Не надо у меня рисовать.

— Я не рисую. Показываю, что здесь ошибка.

— Я знаю.

— Если знаешь, зачем делаешь?

Вера услышала себя и замолчала. Ася смотрела в стол, поджав губы. Тамара Петровна принялась искать ножницы и больше не вмешивалась.

— Покажи, как ты думаешь, — попросила Вера тише.

Ася повернула тетрадь к себе.

— Уже не хочу.

Карандаш остался у Веры в руке. Ася закрывала ладонью зачеркнутое действие. Хотелось сказать, что тут обижаться не на что: Вера всего лишь показала ошибку. Она положила карандаш.

— Прости. Я сейчас на тебя накинулась. Поезд никуда не убежит, давай передохнем.

— Он уже уехал по условию.

Вера засмеялась. Ася еще секунду сердито смотрела, потом рассмеялась тоже, против воли. Они положили на стол две ложки вместо поездов, кружкой обозначили станцию и двадцать минут двигали их мимо сахарницы. Мать ни разу не подсказала. В конце сказала, что физически устала от этой железной дороги, и пошла мыть посуду.

Позднее, когда Ася ушла заканчивать остальные задания, Тамара Петровна вернулась к полотенцу.

— С тобой я так не умела, — сказала она.

Вера поняла не сразу.

— Что?

— Останавливаться. Как начну объяснять, уже надо было, чтобы ты поняла. Я после заказов сидела, у меня глаза слипались. Все казалось, ты нарочно.

Вере вспомнилась таблица умножения, маленький кухонный стол в прежней квартире, отцовская ладонь между ней и раскрытой тетрадью. Он иногда говорил матери: «Том, завтра». Но чаще уходил курить, оставляя их вдвоем.

— Я боялась этих вечеров, — призналась она.

Мать провела иголку сквозь ткань. Вера подождала. Сказать привычное «ничего страшного» не получилось.

— Я не знала, — сказала Тамара Петровна. — Думала, сердишься. С тобой и разозлиться было трудно: сидишь, губы белые, ничего не отвечаешь.

Они посмотрели друг на друга. Вера заметила припухшие суставы на материных пальцах. Иголка медленно прошла через сложенный край полотенца.

— Тебе машинку надо обслужить? — спросила она.

Мать улыбнулась чуть устало.

— Надо. Но я сама мастеру позвоню. Ты лучше чайник поставь.

Вера поднялась, налила воды. Пока чайник закипал, заглянула в телефон. Лев прислал фотографию: новая стремянка, еще в пленке. Подпись: «Эта точно до пятницы доживет».

Она улыбнулась и ощутила на себе материн взгляд.

— Есть кто-то?

— Есть работа.

— Я спрашиваю не про работу.

Вера погасила экран. Ей хотелось еще немного побыть с этой улыбкой одной, не отвечая на следующие вопросы.

Поздно вечером, когда мать уехала, она достала маленький фонарик. Отец подарил его, когда они еще вместе ходили на рыбалку. Батарейки сели. Вера внесла новые в список покупок и положила фонарик рядом с кроватью.

## Глава 5. Левая рука

Илья появился с маленькой колонкой и пакетом пирожков. Сначала отдал Льву пакет, затем долго смотрел на Веру.

— Мы знакомы, — сказал он.

Она узнала его голос раньше лица. В памяти остался молодой человек в синей футболке, который просил передвинуть розетку, потому что кабель пересечет проход. Вера тогда уже бежала на другую встречу и ответила: «Пришлите на почту». Письмо пришло. Ответила ли она на него, сейчас не могла вспомнить.

— «Причал», — произнесла она.

Илья кивнул. Лев перестал разворачивать пакет.

— Ты работала с Антоном?

— В его бюро.

— Вера там все интерьеры делала, — сказал Илья. — По крайней мере, мне так тогда объяснили.

У него была короткая борода и плотный браслет часов на правом запястье. Левая рука лежала вдоль тела, пальцы чуть подогнуты. Он поставил колонку на стол правой рукой, прижал корпус к себе и зубами потянул за бегунок чехла.

Вера сделала движение помочь и остановилась.

— Сюда поставь, — сказал он Льву, заметив это движение. — Подальше от стены.

Полчаса они слушали низкий гул, хлопали в ладоши и двигали колонку по залу. Илья объяснял, где будет накапливаться звук. Он говорил понятно, с ленивой насмешкой, особенно когда Лев пытался угадать правильный ответ.

Вера записывала, заставляя себя слушать, а не смотреть на его левую руку. Она знала, что на «Причале» пострадал монтажник. В официальной переписке — «работник привлеченной организации», в газетной заметке — мужчина двадцати шести лет. Фамилию тоже читала. Арсентьев. Почему не вспомнила, когда Римма назвала нового заказчика? Вера с силой обвела уже записанную цифру.

Когда стали сверяться со схемой, Илья попросил карандаш. Лев подал ему механический, Вера — обычный, толстый. Илья взял Верин.

— Спасибо. Эти удобнее.

Она едва не сказала «я помню», хотя не помнила ничего такого и знать не могла.

На схеме он отметил места для акустических панелей. Спросил о бюджете и, услышав сумму, зачеркнул половину.

Илья поставил Веру у дальней стены, Льва — в середине. Попросил обоих говорить обычным голосом, отвернувшись друг от друга. Лев сообщил, что не знает, о чем говорить. Вера начала перечислять размеры из записной книжки.

— Не вопрос, — сказал Илья. — Расскажите, что утром ели.

— Кофе, — отозвался Лев.

— Это не ели.

— Бутерброд, — сказала Вера. — С сыром. И чужое яблоко.

Илья прислушался. Передвинул ее на шаг вправо, попросил повторить. Изменение оказалось слышно даже ей: в одной точке слова возвращались коротким эхом, в другой распались, будто их произносили через открытую дверь.

— Вот поэтому мне не нужен весь потолок в твердой декоративной решетке, — объяснил он. — Здесь и без нее есть откуда прилететь. Покажи, что планируешь на стенах.

Она открыла планшет. У Ильи под подбородком был небольшой бледный шрам. Вера отвела взгляд на экран и увеличила нужный участок плана.

Илья приблизил фрагмент двумя пальцами правой руки и попросил перо. Вера торопливо подала его обратным концом. Он перевернул, даже не взглянув на нее. Она отступила, освобождая ему место у стола.

— Ткань здесь декоративная? — спросил он.

— Пока да. Подберу звукопоглощающую, с основой.

— Пришли характеристики. Не рекламную картинку, а данные.

— Пришлю.

Лев заглянул через ее плечо. Илья наклонил планшет так, чтобы видеть могли все. Только сейчас Вера заметила, как похожи братья, когда хмурятся: одна и та же складка над носом. Лев начал объяснять свою расстановку, но Илья поднял палец и попросил сначала показать дверь.

— Пульт вот здесь, — сказал Лев.

— Ты перед дверью стоял?

— При чем тут дверь?

Илья отошел, распахнул створку. Ее край прошел по тому месту, где на плане должна была стоять спинка стула.

— При этом. И мне нужен стол, под которым я не зажму колено, когда буду вставать. Не специальный для бедного калеки. Обычный нормальный стол.

Лев покраснел.

— Я не говорил такого.

— Знаю. Это я на будущее экономлю время.

Вера заново обмерила участок. Старый план выглядел свободнее реального помещения, потому что на нем не было людей в зимних куртках, сумок, открытых створок и чьих-то локтей. Она показала Илье другое место, он попробовал встать, развернуться, дотянуться до воображаемого пульта.

— Здесь можно. Но тогда шкаф отодвинь.

— Отодвину.

Вера записала размер. Каждый ответ ей хотелось начать с извинения. Она прикусила губу и спросила о высоте столешницы.

— Давайте сначала сделаем, чтобы человек на третьем ряду слышал человека на сцене. Луну потом.

Лев проводил брата до машины. Вера осталась в зале. На столе лежал раскрытый пакет; один пирожок примял угол ее чертежа. Она завернула его в салфетку и положила обратно.

Когда Лев вернулся, она спросила:

— Ты был на «Причале»?

Сама не заметила, как впервые обратилась к нему на «ты». Еще вчера представлялось, что это произойдет совсем иначе.

— Вел сроки от заказчика. Илья пришел через другого подрядчика. Я узнал, что он там, за неделю до падения.

— А Илья теперь?..

— Теперь он работает сам на себя. Почему?

Вера провела ногтем по сгибу бумаги. Еще утром ей хотелось задержаться здесь после работы. Теперь она уже обдумывала, как уйти так, чтобы не прозвучало слишком поспешно.

— Я не знала, что он твой брат.

— Ты не обязана была знать.

Она подняла голову. Лев смотрел прямо, не предполагая того, что она должна была сказать следом.

— Я хочу поднять свои старые документы, — произнесла она. — По этому объекту.

— Зачем?

— Есть вещь, о которой мне нужно тебе рассказать. Я не хочу ошибиться в том, что подписывала.

Он убрал руки в карманы.

— Хорошо. Когда?

— В понедельник.

— Вера, если это касается Ильи, не присылай мне письмо ночью.

— Я скажу сама.

Он кивнул, но больше не предложил кофе.

В трамвае она стояла у задней двери, хотя свободных мест хватало. В стекле отражался ее рот. Она несколько раз беззвучно произнесла будущую первую фразу и все разы начинала с того, в чем была невиновата.

## Глава 6. Бумага выдержит

В бывшем офисе пахло новым ковролином. Их старое покрытие Вера сама выбирала девять лет назад: серое, в мелкую клетку, чтобы меньше было видно пыль. Теперь под ногами лежало гладкое бежевое поле. Вера вытерла ботинки о коврик у входа еще раз.

Секретарь не узнала ее. Позвонила Антону, назвала полное имя, потом попросила подождать. Вера осталась стоять у приемной. На стене висела фотография ресторана с зелеными потолочными балками. Она в свое время два дня подбирала этот оттенок, потому что при вечернем свете все образцы становились грязными. Подпись под фотографией сообщала: «Автор проекта — Антон Горский».

— Ты похудела, — сказал он из дверей.

— Мне нужны копии по «Причалу».

— Привет, Вер.

— Привет.

Он пропустил ее в кабинет. На ее бывшем столе стояла ваза с сухой травой. Антон заметил взгляд.

— Я не нашел человека на твое место.

— У тебя на сайте четыре новых сотрудника.

— Я не о должности.

Она опустилась в кресло для посетителей. Антон сел напротив, не за свой стол. Так он обычно садился, когда хотел помириться: сейчас принесет кофе, объяснит, почему она его неправильно поняла. Вера положила сумку на колени.

— Ты принесла запрос от Арсентьева? — спросил он.

— От себя. Нужен акт осмотра помещения перед передачей монтажникам. Пятнадцатое сентября, шесть лет назад. Моя подпись.

Он потер большим пальцем край манжеты.

— Это все давно закрыли.

— Мне нужна копия.

— Ты ведь понимаешь, что начнется? Опять всех поднимешь, а потом будешь сама же переживать.

Вера посмотрела на вазу. Один стебель был надломлен и держался на прозрачном скотче.

— У меня есть право получить копию документа, который я подписала. Или ты считаешь иначе?

— Я считаю, что ты нашла способ снова со мной поссориться.

— Тогда не ссорься. Дай копию.

Он поднялся, подошел к шкафу, потом вернулся к компьютеру. В соседней комнате спорили о толщине столешницы. Вера слушала щелчки мыши, не позволяя себе смотреть на часы.

Документ он распечатал молча. Ее подпись была синей, размытой сканером. В тексте значилось, что помещение осмотрено, проходы свободны, опасные участки ограждены и доступ для монтажа оборудования допускается в обозначенных границах.

В тот день она была в другом городе. Антон прислал акт вечером, в гостиницу.

В том номере окно выходило на разгрузочную площадку супермаркета. Вера вспомнила это сейчас с ненужной отчетливостью. Машины подъезжали с пяти утра, водитель одной непрерывно сигналил, и за весь день у нее не перестала болеть голова. На столе стоял недоеденный салат в пластиковой коробке. На экране было одиннадцать пропущенных от поставщика, которого Антон просил перехватить по дороге.

Сам Антон позвонил без раздражения. Даже ласково.

— Вер, там одна бумажка. Сейчас пришлю. У нас без твоей подписи ребят не пускают. Свои разделы все закрыли.

Она открыла вложение, увидела слова об осмотре, сказала, что ее нет на месте.

— Я знаю. Я же тебя отправил. Тут формальный лист от нашей стороны.

— Почему тогда написано, что я осмотрела?

— Потому что форма такая. Ты что, первый день работаешь? Давай я сам подпишу, потом скажут, что ты вообще ни при чем.

Накануне они поссорились из-за другого проекта: ее имени опять не было в презентации. «Я же отвечаю перед ними», — сказал Антон. Теперь он предлагал ей подписать. Значит, она тоже отвечала. Эту мысль тогда оказалось так легко принять.

Сейчас хотелось позвонить той себе в гостиницу. Велеть изменить формулировку, дожидаться приезда, хотя бы спросить Римму. Но тогда Вера только посмотрела на время: презентация еще не была закончена.

На стойке гостиницы Вера сильно нажала ручкой, оставив на листе вмятину. Ресепшионистка спросила, отправить ли скан сразу по адресу. Вера сама набрала почту, чтобы не было опечатки. Подождала, пока пройдет отправка. На стойке рядом стоял степлер, лежали визитки такси. Обычный вечер.

Вернувшись в номер, Вера не почувствовала ни победы, ни дурного предчувствия. Сделала еще один слайд. Отправила Антону вопрос про его ужин. Он прислал фотографию коробки с лапшой и написал: «Спасибо, моя надежная». Она сохранила это сообщение. Потом долго хранила — уже после травмы, когда оно перестало означать похвалу, но все еще мешало назвать случившееся своими словами.

В кабинете Антона гудел кондиционер. Вера водила пальцем по краю копии. Синий росчерк уцелел, вмятины от ручки сканер не передал.

Сейчас Антон сказал почти то же:

— Я там был. Ты не могла знать, что монтажники полезут куда не надо.

— Я написала, что сама видела ограждения.

— Там стояли ограждения.

— Не все.

— Это выяснилось потом.

Он снова сел напротив.

— Если Арсентьев захотел заново кого-нибудь наказать, он выбрал удачный момент. Мне сейчас тендер нужен, а тебе хоть какая-нибудь работа. Ты это понимаешь?

Вера сложила копию в папку.

— Я сама пришла.

— Ну да. Ты всегда сама. А потом оказывается, что я тебя заставлял.

Она встала. В коридоре ее окликнула молодая женщина с образцами дерева; Вера машинально остановилась.

— Вы Вера? Можно секунду? На старом сервере ваши развертки. Я не понимаю, как там сошлись два радиуса.

Антон вышел следом. Женщина посмотрела на него и перестала улыбаться.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.